T 24
638

Г. XV
172

ДЛЯ

СОЛДАТЪ И НАРОДА.

О

ПОДВИГАХЪ РУССКИХЪ МОРЯКОВЪ.

Т 24
638

Разсказъ II.

Б. 77.

СИНОПСКІЙ БОЙ.

Съ двумя картинками.

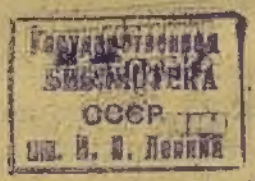
Цѣна 25 коп. съ пересылкой.

ИЗДАНІЕ СКЛАДА
УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ ДЛЯ ВОЙСКЪ
В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.
С.-Петербургъ, Знаменская ул., № 33.

Единая фундаментальная библиотека
XV
№ 1470

2007056006

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 3-го Сентября, 1882 г.



84475-50

Истребленіе Турецкой эскадры на Синопскомъ рейдѣ. 18-го Ноября 1853 года.

СИНОПСКІЙ БОЙ.

18 Ноября 1853 года.

Знайте-жъ—наша Русь готова,
Будетъ дѣйствовать какъ встарь;
Ее двигаютъ три слова:
Богъ, да родина, да Царь.

Съ давнихъ временъ Русскій народъ зорко смотрѣлъ, чтобы Турки не обижали своихъ подданныхъ Православной вѣры.

Послѣ каждой войны съ Россіей, Султаны, заключая миръ, должны были соглашаться на требованія Русскихъ Государей не стѣснять нашихъ единовѣрцевъ. Но съ теченіемъ времени, по происками бывшаго Императора Французовъ Наполеона III, роднаго племянника Наполеона Бонапарта, нагрянувшаго въ 1812 году на Россію, Турки вздумали притѣснять своихъ подданныхъ восточныхъ христіанъ. Въ тоже время другіе христіане, подданные Турціи,—лютеране, католики, благодаря защитѣ Франціи, Англіи, Пруссіи и Австріи, пользовались свободой, какой не имѣло православное населеніе.

Этого мало—въ 1852 году, Турки открыто начали угнетать православныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители были подвергаемы неслыханнымъ истязаніямъ,

ихъ грабили и предавали смерти. Многіе цѣльными деревнями должны были покидать свое отечество.

Въ слѣдующемъ году Турецкій военачальникъ Омеръ-Паша, съ 40 тысячами войска, вторгнулся въ православную Черногорію, съ намѣреніемъ уничтожить и обезоружить христіанъ. Расположившись лагеремъ, Омеръ-Паша потребовалъ, отъ сосѣднихъ черногорцамъ христіанъ, подводы и провіантъ. Христіане исполнили требованіе и явились на мѣсто. Ихъ заставили: дѣлать окопы, строить укрѣпленія, не выдавая ничего для пропитанія,—это было въ самую дождливую зиму. Несчастные, не, имѣя ни крова ни пріюта, терпѣли отъ изнуренія и голода. Омеръ-Паша велѣлъ, наконецъ, отпустить ихъ, но прежде отобрать у нихъ воловъ для пищи солдатамъ, эти же, въ свою очередь, отняли у нихъ послѣднюю одежду. Христіане отправились домой, полунагіе и едва—ли десятый изъ нихъ вернулся. Нельзя также безъ ужаса вспомнить о вѣроломствѣ, съ какимъ дѣйствовали въ то печальное время Турецкія власти въ Болгаріи. По распоряженію этихъ властей, предположено было выслать въ Австрійскія владѣнія нѣсколькихъ Болгаръ. Подъ видомъ прощенія и только изгнанія изъ родины, ихъ стали перевозить на другой берегъ Дуная. Въ лодкахъ заранѣе были приготовлены пробоины; на срединѣ рѣки ихъ открыли и несчастные Болгары пошли ко дну; бывшіе же съ ними Турки спаслись въ особой, ранѣе приготовленной, лодкѣ.

Въ оградѣ храма Святаго Гроба, первой святыни христіанства, Турецкая стража, у дверей, курила трубки и не только стража, всякій Турокъ, приходившій въ храмъ по какому нибудь дѣлу, закуривалъ трубку. Къ куполу прислонены были комнаты гарема, окна которыхъ выдавались въ самый храмъ.

Кромѣ того, Турки неоднократно казнили патріарховъ

православной вѣры, сожигали монастыри, истязали монахинь и повсюду притѣсняли православныхъ.

Русскій народъ, много разъ проливая кровь въ защиту своей вѣры, не могъ безучастно и спокойно смотрѣть, что такіе же православные христіане, какъ и Русскіе, должны терпѣть звѣрства и жестокости исконныхъ своихъ враговъ магометанъ, да еще въ то время, когда другіе Государи Европы получили, отъ самихъ Турокъ, право защищать своихъ единовѣрцевъ, которые припѣваючи живутъ въ той же Турціи.

Хорошо зная, какъ тяжело Русскому смотрѣть на страданія своихъ братьевъ, по вѣрѣ, Императоръ Николай I желалъ имъ помочь, не прибѣгая къ кровопролитію. Онъ всѣми средствами старался образумить Турокъ. Но ничто не помогало. Наконецъ, Государь рѣшился послать въ Константинополь особаго посла съ письмомъ къ Султану.

Посланный для того Князь Меньшиковъ потребовалъ, чтобы Турція точно исполняла заключенные раньше договоры, и объявилъ, что Государь Императоръ желаетъ вести дѣло мирнымъ путемъ, а не силой оружія.

Тогда по наущенію Наполеона и Англіи Порта (такъ называется Турецкое правительство) отвѣчала грубымъ отказомъ. Послѣ того Государь повелѣлъ объявить Турціи, что если она будетъ упорствовать, то онъ вынужденъ будетъ временно, въ видѣ залога, занять войсками Молдавію и Валахію (нынѣшнюю Румынію). Порта и на это не давала рѣшительнаго отвѣта, а старалась затянуть переговоры, надѣясь на помощь всегдашнихъ враговъ Россіи.

Враги эти: Наполеонъ и Англія, также какъ Австрія и Пруссія, всегда рады случаю нанести вредъ нашему отечеству. Зависть и корыстолюбіе побуждаютъ ихъ къ тому.

Въ спорахъ между собой, каждый изъ нихъ готовъ про-

сить помощи Россіи, но чуть ссора кончилась, они начинаютъ точить зубы на ту самую Россію, которая ихъ только—что выручила. Будучи сами христіанами, эти государства не задумывались натравливать Турокъ, враговъ вѣры Христовой, на православное населеніе. И все это для того, чтобъ втянуть Россію въ войну, ослабить ее и умалить ея славу.

Англія, и тогда имѣвшая громадный флотъ, зорко слѣдила за нашимъ черноморскимъ флотомъ. Англичане видѣли, что Русскіе моряки, дравшись противъ Турокъ въ Наваринѣ, бокъ-о-бокъ съ Англійскими, не уступали имъ въ храбрости. Увѣрившись своими глазами, что Русскіе корабли, при случаѣ, опасные соперники и могутъ нанести сильный вредъ ихъ морскому могуществу, Англичане порѣшили стереть ихъ съ лица земли. Задумавъ это, они воспользовались враждой Наполеона къ Россіи, заключили съ нимъ союзъ и начали дѣйствовать сообща.

Какъ только нашъ Государь объявилъ, что онъ пошлетъ войско въ Турецкія владѣнія, Англо-Французскій флотъ, вопреки ранѣе заключеннымъ договорамъ, подошелъ къ Константинополю, въ видѣ угрозы Россіи. Но Русскіе Цари крѣпко держатъ разъ данное слово. Не смотря на то, что Англійскіе и Французскіе корабли были готовы защищать Турокъ, Императоръ Николай I приказалъ своимъ войскамъ перейдти Турецкую границу и занять Молдавію и Валахію. Такая Царская воля повѣдана была вѣрному Русскому народу въ слѣдующихъ словахъ: „Не завоеваній ищемъ мы, сказано было въ Манифестѣ, въ нихъ Россія не нуждается. Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, тогда,

призвавъ Бога на помощь, Ему предоставимъ рѣшить споръ нашъ и съ полной надеждой на Всемогущую Десницу, пойдемъ впередъ за Вѣру Православную".

Прошло три мѣсяца. Русскія войска расположились вдоль Дуная. Союзники: Англичане и Французы, не вступая въ открытую вражду, продолжали наущать Турокъ и въ тоже время вели, какъ будто дружественные, переговоры съ Русскимъ Царемъ. Вдругъ Турки, ни съ того ни съ сего, послали объявленіе о войнѣ въ Петербургъ и, не предупредивъ объ этомъ нашихъ главнокомандующихъ, открыли военныя дѣйствія.

На Дунаѣ—Турецкій начальникъ Омеръ-Паша потребовалъ, чтобы Князь Горчаковъ, командовавшій Русскими войсками, очистилъ Турецкія владѣнія въ двухъ-недѣльный срокъ. Еще не прошло, назначенное ими самими время, какъ уже Турки темной ночью переправились на нашъ берегъ, оттѣснили стоявшій тамъ пикетъ и убили часоваго казака. Послѣ того временно все затихло. Чрезъ нѣсколько дней, части нашей Дунайской флотиліи [1]) приказано было подняться вверхъ Дуная до Галаца. Флотиліи предстояло пройдти мимо вновь возведенной крѣпости Исакчи. Турецкими работами тамъ завѣдывалъ французскій полковникъ, который съ похвальбой доносилъ, что «безъ его позволенія мимо Исакчи птица не пролетитъ».

Капитанъ 2 ранга Варпаховскій, начальникъ отряда, имѣлъ подъ командой 2 парохода съ 4-мя орудіями на каждомъ и 8, такъ называемыхъ, канонерскихъ лодокъ (мелкихъ судовъ) съ 24-мя небольшими пушками. Расположивъ лодки по бокамъ пароходовъ, чтобъ защитить маши-

[1]) Флотилія—отрядъ мелкихъ военныхъ судовъ.

ны отъ выстрѣловъ, и взявъ остальныя на буксиръ, [1]) оба парохода снялись съ якоря и направились вверхъ по Дунаю.

11-го Октября, 1853 года, въ 8½ часовъ утра, отрядъ нашъ показался въ виду Исакчи. Оттуда было брошено нѣсколько бомбъ. Въ слѣдъ за тѣмъ по передовому пароходу открылось дѣйствіе ядрами. Капитанъ Варпаховскій приказалъ отвѣчать изъ всѣхъ орудій съ пароходовъ и лодокъ. Вскорѣ Турецкимъ ядромъ убитъ былъ храбрый начальникъ отряда, находившійся на палубѣ парохода. Турки старались направлять выстрѣлы въ среднія части параходовъ, чтобъ повредить машины. Ведя непосильное число лодокъ, да еще противъ теченія, параходы шли очень медленно; кромѣ того, когда подошли къ крѣпости, дымъ отъ нихъ несло прямо на укрѣпленія. Это затрудняло мѣткость прицѣливанья, но даже и при этомъ нашими выстрѣлами вскорѣ сбито было у Турокъ три орудія. Не смотря на потерю начальника, на страшный огонь 27-ми огромныхъ орудій, спрятанныхъ за укрѣпленіями, отрядъ спокойно продолжалъ свой путь. Чтобъ наказать Турокъ, флотилія открыла огонь по ихъ лагерю, расположенному на скатѣ горы, а также и противъ города Исакчи. Скоро въ городѣ начался пожаръ, усилившійся до того, что большая часть его была въ пламени. Въ тоже время лагерь почти весь былъ истребленъ и войска разбѣжались изъ него толпами.

Находясь полтора часа подъ непрерывнымъ огнемъ, отрядъ, все-таки, прибылъ въ Галацъ съ незначительными поврежденіями. Бывшій на судахъ Модлинскій пѣхотный полкъ соревновалъ морякамъ въ неустрашимости и много имъ помогъ. Потеря наша убитыми заключалась, кромѣ капитана Варпаховскаго, въ 6 ниж-

[1]) Буксировать значитъ вести сзади себя.

нихъ чинахъ, раненыхъ же было до 46 человѣкъ. За то у непріятеля оказалось до 150 убитыхъ и около 300 раненыхъ. Турки по достоинству могли оцѣнить беззавѣтную храбрость Русскихъ. Девять дней спустя, Турецкій пароходъ, пользуясь густымъ туманомъ, желалъ провести нѣсколько судовъ изъ Рущука внизъ по Дунаю. Но всего **четыре** Русскихъ **полевыхъ** орудія, **не прикрытыя никакими укрѣпленіями** принудили ихъ возвратиться обратно.

На Кавказѣ: Турки еще болѣе вѣроломнымъ образомъ, не объявляя войны, вторглись въ наши предѣлы.

15 Октября почью они напали на небольшой пограничный постъ Св. Николая. Постъ этотъ находился на берегу Чернаго моря, между Батумомъ и Поти; протекавшая вблизи небольшая рѣчка служила нашей границей съ Турками. Постъ состоялъ изъ нѣсколькихъ ветхихъ деревянныхъ строеній, окружавшихъ небольшую, также деревянную церковь. Въ началѣ 1853 года, для защиты нашей границы, сюда присланы были 2 неполныя роты линейнаго батальона, два орудія, нѣсколько казаковъ и сотня кавказской милиціи. Начальникомъ всей команды былъ назначенъ линейнаго батальона капитанъ **Щербаковъ.**

За нѣсколько дней до 15 Октября на Турецкомъ берегу замѣтно было особенное оживленіе: По другую сторону строилась батарея, къ берегу приставали кочермы (Турецкія мелкія суда) и замѣчалось передвиженіе войскъ. Ночью 15 Октября партія Кабулетцевъ (разбойничье племя, жившее на Турецкомъ берегу) осторожно высадилась вблизи поста, какъ будто для грабежа. Ночь была темная и шелъ проливной дождь, такъ что въ двухъ шагахъ едва было видно.

На посту замѣтили шайку, пробили тревогу и послали за ней въ погоню.

Въ то время какъ Кабулетцы отвлекали вниманіе

гарнизона, болѣе 80 Турецкихъ судовъ, подплыли, въ темнотѣ, къ берегу и высадили нѣсколько батальоновъ пѣхоты. Когда погода прояснилась и мѣсяцъ освѣтилъ окрестности, на посту увидѣли, что громадныя толпы Турокъ направляются къ укрѣпленію. Турецкія силы болѣе чѣмъ въ 20 разъ превышали численность Русскаго гарнизона. На штурмъ слабаго таможеннаго поста, охраняемаго всего 400 человѣкъ, Турки шли какъ на отчаянный подвигъ. По распоряженію своихъ начальниковъ они должны были: или погибнуть всѣ до одного или пересилить Русскихъ. Чтобъ узнать о движеніи непріятеля послано было, по дорогѣ въ Поти, двое конныхъ казаковъ; встрѣтивъ многочисленныя толпы Турокъ, они возвратились въ укрѣпленіе. Другая партія, отправленная къ военному губернатору, съ извѣстіемъ о нападеніи Турокъ, была окружена на дорогѣ и послѣ долгой, упорной схватки вся была перебита.

Въ самомъ укрѣпленіи солдаты встрѣтили Турокъ бѣглымъ огнемъ. Схватка у воротъ продолжалось не долго. Русскіе отстрѣливаясь, отступили къ площадкѣ у церкви. Турки, вскорѣ занявъ почти всѣ зданія, не смѣли подойдти ближе чѣмъ на 30 шаговъ къ горсти храбрецовъ, собравшихся у магазина гдѣ сложенъ былъ провіантъ. Когда нашихъ замѣтно поубавилось, Турки подступили ближе и кинулись въ шашки и кинжалы. Все смѣшалось въ одну кучу. Въ тоже время, вновь подошедшія толпы Турокъ бросились грабить жилыя избы и лавки. Изъ оконъ и дверей раздавались крики и выстрѣлы. Священникъ, Іеромонахъ Серафимъ, во время битвы находился въ храмѣ въ полномъ облаченіи и служилъ молебенъ. Турки ворвавшись въ церковь, начали неистовствовать, изстязали Священника и затѣмъ отпилили ему голову.

Часовой, охранявшій магазинъ, видя, что все поте-

ряпо, зажегъ пукъ сухой рогожи и бросилъ его въ магазинъ. Строеніе въ мигъ запылало. Часовой тутъ же былъ убитъ на мѣстѣ, но провіантъ не достался въ руки непріятеля.

Сопротивляться болѣе было невозможно. Тогда остатокъ отряда бросился въ штыки и проложилъ себѣ путь сквозь густую толпу враговъ. Сдаваться никто не хотѣлъ. Послѣдними вышли изъ боя 24 рядовыхъ съ 3-мя офицерами и одинъ артиллеристъ. Всѣ они были изранены.

Побѣда эта всетаки досталась врагамъ не дешево. Лучшіе кабулетскіе предводители были убиты. Всего же у Турокъ оказалось до 200 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Послѣ узнали, что Турки имѣли въ резервѣ еще нѣсколько батальоновъ пѣхоты. Въ числѣ храбрыхъ защитниковъ поста особенно отличился унтеръ-офицеръ 12 линейнаго батальона Шиховцевъ. Находясь впереди товарищей, онъ ободрялъ ихъ словами и примѣромъ, штыкъ его скрутился какъ винтъ; онъ всю ночь сражался безъ устали, безпрерывно кидаясь на наступающихъ, наконецъ, обезсиленный, Шиховцевъ палъ подъ ударами непріятелей. Даже Турки съ почтеніемъ смотрѣли на трупъ героя и похоронили его съ военной почестью, отдѣльно отъ прочихъ убитыхъ. Высланное подкрѣпленіе уже на полъ-пути встрѣтилось съ храбрецами, успѣвшими проложить себѣ дорогу. Почернѣвшіе отъ пороховаго дыма, изнуренные семичасовымъ боемъ, израненные, они едва могли идти,—многіе просто падали отъ изпеможенія. Отнять постъ, не смотря на подкрѣпленіе, было невозможно. Къ непріятелю подошли цѣлыя толпы новыхъ войскъ и наши принуждены были возвратиться.

Запявъ постъ Св. Николая, Турки предавались всякимъ жестокостямъ. Они пригвоздили къ кресту, захваченнаго въ плѣнъ, таможеннаго чиновника и стрѣляли

СССР
... В. Ленина

въ него для потѣхи какъ въ цѣль; подвергли пыткѣ врача, чтобъ принудить его признаться куда спряталъ онъ свои деньги, наконецъ—они перерѣзали многихъ женщинъ и беззащитныхъ дѣтей. Армяне, населявшіе сосѣднюю деревню, также подверглись звѣрствамъ Турокъ. Ихъ жены, дѣти, священники были изувѣчены, мужчины же погибли съ оружіемъ въ рукахъ, защищая свои дома.

Въ то время какъ защитники поста св. Николая геройски погибали, начальникъ черноморской береговой линіи, генералъ Мироновъ, отправился къ посту на пароходѣ «Колхида», чтобъ увѣриться, дѣйствительно-ли непріятель вторгся въ наши предѣлы. На случай подачи помощи онъ взялъ съ собой одну роту линейнаго батальона.

На другой день позанятіи Турками нашего берега, пароходъ въ сумерки подошелъ къ посту. На берегу мелькали огни, обозначался лагерь, но въ темнотѣ нельзя было различить, чей онъ: Русскій или Турецкій? На сигнальный выстрѣлъ парохода отвѣчали съ берега двумя холостыми выстрѣлами и тремя боевыми изъ лагеря. Горнисты на пароходѣ подали сигналъ; съ берега отвѣтили имъ какъ-то непонятно. Опасаясь подходить ближе, генералъ Мироновъ приказалъ пароходу выйдти въ море. Когда стало свѣтать и разсѣялся утренній туманъ, «Колхида» снова приблизился къ берегу; красные и желтые значки въ лагерѣ убѣдили, что берегъ занятъ Турками.

Въ то время какъ хотѣли отойдти, чтобъ быть внѣ выстрѣловъ, пароходъ неожиданно сталъ на мель, въ разстояніи отъ турецкаго лагеря не болѣе 80 сажень. Съ берега явственно послышались слова на русскомъ ломаномъ языкѣ: «вотъ это хорошъ». Въ тоже время болѣе 3000 ружей загремѣли противъ «Колхиды». Къ счастью, первые выстрѣлы не нанесли командѣ вреда, хотя озабоченные матросы толпились на палубѣ, не обращая вниманія на выстрѣлы.

Командиръ парохода, капитанъ-лейтенантъ Кузьминскій, приказалъ тотчасъ завезти якорь по направленію къ морю, чтобы, притягиваясь при помощи якоря, сняться съ мели. Экипажъ началъ тянуть завозъ. Сначала все шло хорошо, вдругъ канатъ лопнулъ и надежда на спасеніе исчезла.

Съ берега началась пальба на пароходу изъ орудій, сперва безъ успѣха, но скоро ядра стали врѣзываться въ пароходъ. Правый бортъ былъ уже весь пронизанъ. Пароходныя пушки были направлены имъ въ отвѣтъ. Второй выстрѣлъ попалъ какъ разъ въ средину непріятеля и вырвалъ нѣсколько человѣкъ; тогда Турки отошли въ сторону, гдѣ наши выстрѣлы не могли имъ вредить. Пальба не умолкала. Дымовая труба была вся избита, всѣ верхнія надстройки были также пробиты пулями и ядрами. Пароходъ уже два раза загорался, но пожаръ немедленно тушили, при чемъ горящую трубку съ одной изъ упавшихъ на палубу непріятельскихъ гранатъ [1]) безстрашно сорвалъ матросъ Яковъ Барабашъ. Множество Турецкихъ лодокъ съ войсками порывались подплыть къ храбрецамъ, но стрѣлки, скрываясь за бортами, встрѣтили ихъ такой ружейной пальбой, что они смѣшавшись поспѣшили возвратиться.

Наконецъ, рѣшено было, для облегченія парохода, срубить переднюю мачту. Лейтенантъ Степановъ взявъ топоръ, самъ началъ работать, но въ туже минуту былъ раненъ и его увели въ каюту. Мѣсто его занялъ другой офицеръ баронъ Дистерло.

Команда парохода пыталась еще разъ завезти другой якорь и по немъ стянуться. Уже приступили къ работѣ, когда командиръ капитанъ-лейтенантъ Кузьминскій получилъ контузію въ голову и упалъ безъ чувствъ; минутъ черезъ пять онъ приподнялся и сказалъ спокойно:

---

[1]) Чугунный снарядъ, начиненный порохомъ, съ отверстіемъ называемымъ очкомъ. Въ очко вставляется трубка съ медленно горящимъ составомъ.

«Ничего, ребята, палите! Вслѣдъ за тѣмъ осколокъ гранаты смертельно ранилъ его въ спину.

Начальство принялъ баронъ Дистерло. Онъ тотчасъ приказалъ дорубить мачту, и когда непріятельское ядро сбило кормовой флагъ, немедленно же самъ замѣнилъ его другимъ. Тѣмъ временемъ завезли якорь. Солдаты, лежа на палубѣ, тянули канатъ (завозъ). Силы ихъ видимо слабѣли, а пароходъ не трогался съ мели. Наступала послѣдняя отчаянная минута гибели и смерти. Всѣ Солдаты, спявъ папахи, усердно молились; вдругъ пароходъ неожиданно тронулся. Съ громкимъ «ура» все живое бросилось къ канату, но голосъ начальника раздался громче всѣхъ: «Ребята», сказалъ онъ: «это Богъ помогъ намъ; не забывайте!» Всѣ набожно перекрестились еще разъ. Пароходъ быстро пошелъ заднимъ ходомъ. Выходя въ море, матросы обратили бомбическое орудіе черезъ корму и сдѣлали нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ. Отойдя, первой мыслью было благодареніе Творцу Небесному, даровавшему спасеніе. Унтеръ-офицеръ началъ вслухъ читать молитву; остальные съ умиленіемъ тихо повторяли ее. Черезъ четверть часа Турецкій лагерь уже совсѣмъ скрылся изъ вида.

Въ этомъ дѣлѣ параходъ «Колхида» получилъ болѣе 120 пробоинъ; въ одной только дымовой трубѣ оказалось ихъ 34.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя точно также попалъ на мель у Одессы Англійскій пароходъ: «Тигръ» **и послѣ часовой перестрѣлки былъ взятъ въ плѣнъ.**

Въ обѣ битвы и на Дунаѣ и на Кавказѣ Русскіе боролись противъ въ десятеро сильнѣйшаго непріятеля, но и въ самую тяжелую минуту о сдачѣ не вымолвлено было ни одного слова. И на сушѣ, и на морѣ Русскій воинъ показалъ себя достойнымъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, говорившихъ: «мертвые срама не имутъ».

Такими доблестными для Русскаго оружія дѣлами

началась война 1853 года. Тѣмъ временемъ Черноморскій флотъ не зѣвалъ. Нѣсколько пароходовъ и парусные корабли бороздили Черное море, по всѣмъ направленіямъ. Чуя скорое открытіе войны, моряки усиленно слѣдили за Турецкими судами, сожалѣя, что имъ не разрѣшаютъ вступить въ бой.

Бурныя, осеннія погоды, страшные вѣтра и холодъ не мѣшали Русскимъ кораблямъ сторожить свою добычу. Сами враги, Англичане и Французы, удивлялись выносливости и стойкости нашихъ моряковъ. Для черноморцевъ же не было ничего невозможнаго. Подъ начальствомъ такихъ лихихъ адмираловъ, какъ Корниловъ и Нахимовъ, они готовы были сразиться съ кѣмъ угодно.

Узнавъ, что Турки сбираются перевезти на Кавказскій берегъ войска и военные припасы, нашъ флотъ поставилъ себѣ цѣлью, воспрепятствовать имъ въ этомъ.

Въ началѣ октября въ Севастополѣ все было въ ожиданіи войны. Морскаго сраженія ждали какъ праздника. Вдругъ приходитъ вѣсть, что Турки напали на постъ Св. Николая и что пароходъ «Колхида» имѣлъ блистательное дѣло. Вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ курьеръ изъ Дунайской арміи съ извѣстіемъ, что крѣпость Исакчи стрѣляла по флотиліи Варпаховскаго.

Моряки радовались, что у нихъ, наконецъ, развязываются руки, что приказаніе: «отражать, но не нападать» — сегодня или завтра отмѣнится.

Еще не былъ полученъ манифестъ о войнѣ, какъ эскадра [1]) Павла Степановича Нахимова уже вышла въ море. Ему было приказано безъ особеннаго повелѣнія не начинать боя, развѣ Турки сами начнутъ его. Онъ долженъ былъ только слѣдить за ними у Анатолійскаго берега (такъ называется: южное побережье Чернаго мо-

[1]) Эскадра—отрядъ изъ нѣсколькихъ военныхъ судовъ.

ря, (противъ нашего Крыма), между тѣмъ послѣ ухода эскадры, въ Севастополѣ сдѣлалась извѣстно, что Турецкимъ судамъ приказано, въ случаѣ встрѣчи, нападать на Русскихъ.

Кромѣ того въ концѣ октября адмиралъ Корниловъ на одномъ только пароходѣ: «Владиміръ» (командиръ Григ. Иван. Бутаковъ) подошелъ на пушечный выстрѣлъ къ Константинопольскому проливу и открылъ тамъ цѣлую эскадру которая, повидимому, хотѣла пробраться на Кавказъ, Не медля давъ знать объ этомъ въ Одессу Князю Меньшикову, главному начальнику морскихъ и сухопутныхъ силъ, Корниловъ возвратился въ Севастополь, принялъ начальство надъ эскадрой (5-ю кораблями) адмирала Новосильскаго и на другой же день отправился въ море. Выходя изъ Севастополя, адмиралъ сдѣлалъ сигналъ: «Объявить командамъ, что Государь ожидаетъ побѣды, а Россія всегдашней славы своего оружія. Съ нами Богъ!» Дружное «ура» со всѣхъ кораблей было отвѣтомъ. Тѣмъ временемъ Турки ужъ изчезли. Корабли обошли весь Европейскій берегъ Чернаго моря, а Турокъ нигдѣ нѣтъ. Наконецъ, встрѣтившееся греческое купеческое судно сообщило, что весь Турецкій флотъ спрятался въ Константинополѣ. Моряки пріуныли, считая дѣло оконченнымъ. Полагали, что до весны ничего не будетъ. Самъ Корниловъ, сдавъ начальство Новосильскому, отправился на пароходѣ въ Одессу и Севастополь.

Офицеръ, служившій на эскадрѣ, такъ описываетъ дальше: «Ѳ. М. Новосильскій получилъ отъ Корнилова приказаніе идти къ эскадрѣ Нахимова и въ случаѣ если у него есть корабли потерпѣвшіе повреждепія, оставить ему два или три, а съ остальными возвратиться на зимовку. Въ этотъ день, т. е. 5 ноября, вѣтеръ былъ попутный и мы пошли къ Анатолійскому берегу; дувшій до того все время сильный вѣтеръ окончательно стихъ. Въ полдень сдѣлался штиль (совершенно тихая, безъ

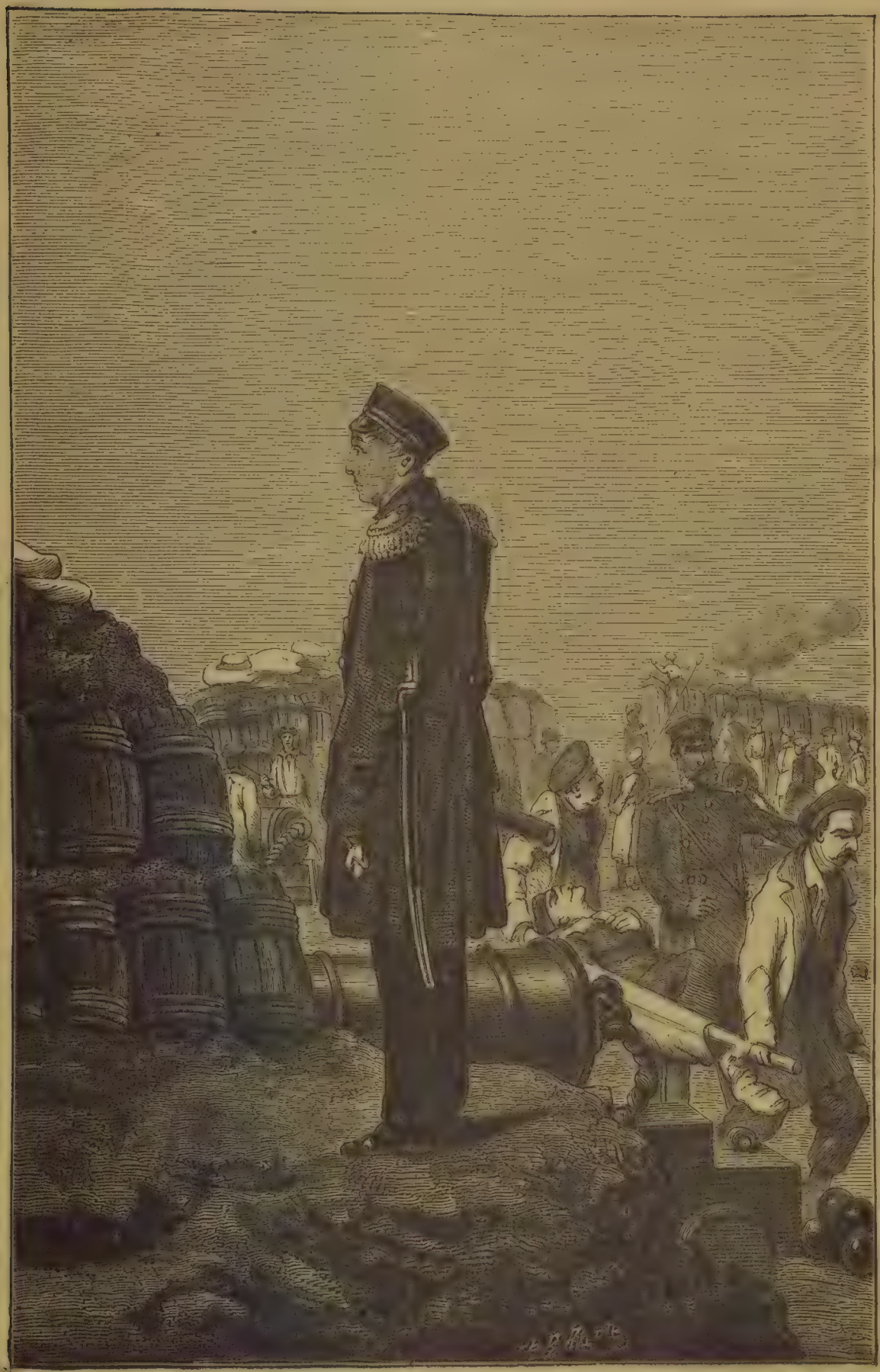
волненія; погода). Пообѣдавъ только хотѣлъ лечь спать, какъ услышалъ на верхней палубѣ суматоху. Вышедши на верхъ, я тотчасъ же замѣтилъ, что что-то есть. Всѣ смотрятъ вдаль, трубы наведены, но никто ничего не видитъ. Спрашиваю, что случилось? Отвѣчаютъ: слышна пушечная пальба. Прислушиваюсь: дѣйствительно пушечная пальба, только тихо, тихо вдали, какъ будто отдаленные раскаты грома. Мало-по-малу, всѣ вышли на верхъ, всѣ жадно смотрятъ вдаль, всѣ слушаютъ, никто не говоритъ ни слова. Вѣтру нѣтъ—штиль мертвый. Господи! да неужели это Нахимовъ дерется, а мы стоимъ прикованными и не можемъ подать помощи. Положеніе было ужасное; каждый изъ насъ отдалъ бы все, все чтобы только имѣть нѣсколько пароходовъ или чтобъ задулъ вѣтеръ. Просмотрѣвъ напрасно цѣлый часъ, я вспомнилъ, что у меня ночная вахта (дежурство) и пошелъ въ свою каюту отдохнуть. Не помню, долго-ли я спалъ, только вдругъ, какъ сумасшедшій, вбѣгаетъ кто-то въ каюту, толкаетъ меня и мичмана Н., моего товарища, и объявляетъ скороговоркой: „Вставайте, Турки, пожалуйте на верхъ, Владиміръ, призъ, пароходъ“! Что такое? Но говорившій уже убѣжалъ. Схвативъ шапки, мы бросились на верхъ. Гляжу, дѣйствительно, два парохода, на одномъ Турки и Русскіе въ перемежку, на корабляхъ ура! Передній пароходъ подошелъ къ намъ и остановилъ ходъ Тогда только я его узналъ. Это былъ „Владиміръ“, но замаскированный фальшивой бѣлой полоской изъ парусины. На кормѣ стоялъ Корниловъ и кричалъ адмиралу Новосильскому: «Поздравте меня, я взялъ призъ!» И показывая рукой на другой пароходъ, прибавилъ: «Первазъ-Бахры».

Случилось это такъ. Оставя нашу эскадру, Корниловъ на „Владимірѣ“ пошелъ въ Одессу. Послѣ полдня вдали показался дымъ. Адмиралъ приказалъ поставить паруса и держать ему на перссѣчку. „Владиміръ“ тошился

углемъ, который не даетъ дыму, а потому, непріятель, считая его купеческимъ парусным судномъ, шелъ не обращая вниманія. Противники сближались. Непріятель показалъ военный Турецкій флагъ. „Владиміръ“ поднялъ свой, убралъ паруса и полнымъ ходомъ пошелъ на врага, который хотя и бросился къ берегу, но защищался храбро. Скоро Турокъ сдался. Это и была та пальба, которую мы слышали.

«Что всего удивительнѣе, Нахимовъ тоже слышалъ выстрѣлы и былъ увѣренъ, что это мы деремся. Оказывается, сраженіе происходило на срединѣ разстоянія между обѣими эскадрами; хотя пароходы и не были видны, но гулъ пальбы, при гладкомъ морѣ и ясномъ воздухѣ, былъ отчетливо слышанъ въ обѣ стороны. Приявъ часть плѣнныхъ на корабль, мы пошли къ эскадрѣ Нахимова. На другой день нашъ адмиралъ, переговоривъ съ Нахимовымъ, повелъ свою эскадру въ Севастополь».

Какъ сказано раньше, адмиралъ Нахимовъ, еще до полученія манифеста о войнѣ, вышелъ въ море съ своей эскадрой. Не смотря на страшныя бури со снѣгомъ, метелью и пасмурностью, Нахимовская эскадра все время держалась подъ парусами. Наконецъ, 1-го ноября, пароходъ доставилъ извѣстіе объ объявленіи войны. На радости, послѣ долгаго ожиданія, адмиралъ тотчасъ сдѣлалъ сигналъ: «Война объявлена! Отслужить молебствіе и поздравить команду». На всѣхъ судахъ громовое ура привѣтствовало полученное извѣстіе. По разсказамъ очевидцевъ, офицеры и матросы, со слезами радости, поздравляли другъ друга съ давно желаннымъ счастливымъ событіемъ. Однако наступившая буря помѣшала адмиралу сообщить кораблямъ свое окончательное рѣшеніе. Только черезъ два дня эскадра получила слѣдующее распоряженіе: «Непріятель иначе не можетъ исполнить свое намѣреніе—напасть на Сухумъ, какъ пройдя мимо насъ или давъ намъ сраженіе. Въ первомъ случаѣ полагаюсь



Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ.

на бдительность командировъ, во второмъ—съ Божьей помощью и увѣренный въ офицерахъ и командѣ, надѣюсь съ честью принять сраженіе. Не давая наставленій, скажу только, что въ морскомъ дѣлѣ близкое разстояніе отъ непріятеля и помощь другъ другу самое лучшее правило. Увѣдомляю командировъ, что въ случаѣ встрѣчи съ болѣе сильнымъ чѣмъ мы непріятелемъ, я все таки вступлю въ сраженіе, вполнѣ увѣренный, что каждый изъ насъ исполнитъ свой долгъ".

Почти постоянная мрачная погода и туманы продолжали скрывать Турокъ. 8 Ноября буря превратилась въ штормъ, однако Нахимовская эскадра и на этотъ разъ не потеряла своего мѣста, хотя послѣ того адмиралъ счелъ необходимымъ отправить въ Севастополь два корабля, самъ же съ остальными направился вдоль Турецкаго берега, мимо Синопской бухты.

Турецкій городъ Синопъ находится на южномъ (Анатолійскомъ) берегу Чернаго моря. Если изъ Севастополя переплыть черезъ все море и идти влѣво вдоль Турецкаго берега, то первая большая бухта и будетъ Синопская. Большой полуостровъ или мысъ, на срединѣ котораго построенъ городъ, защищаетъ заливъ или бухту отъ сильныхъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Городъ Синопъ очень древній и населенъ нынѣ Турками и Греками христіанами. Въ древности онъ былъ столицей могущественнаго царства Понтійскаго, которое когда-то владѣло всѣми берегами Чернаго моря. Св. Апостолъ Андрей Первозванный, проповѣдывавшій Слово Божіе на берегахъ Днѣпра, гдѣ нынѣ Кіевъ, прибылъ изъ Синопа. Когда-то городъ имѣлъ 60 тысячъ жителей, при Туркахъ же ихъ осталось не болѣ 10 тысячъ.

Турецкій адмиралъ выбралъ Синопъ для стоянки флота, какъ самое спокойное мѣсто въ позднюю осень, когда Черное море бурливо и опасно.

Семь Турецкихъ фрегатовъ, [1]) 3 корвета [2]) и 2 парохода спокойно расположились въ Синопѣ, подъ защитой береговыхъ батарей, снабженныхъ сильными пушками. Это и была та эскадра, которую не могли уловить ни Корниловъ, ни Новосильскій и даже самъ Нахимовъ. «Такъ вотъ она, наконецъ», по разсказамъ очевидцевъ, воскликнули въ одинъ голосъ всѣ наши команды при видѣ Турокъ. «А ужъ насчетъ Кавказа,—смѣясь говорили матросы про Турокъ,—такъ отложи попеченіе, не видать тебѣ его какъ своихъ ушей».

Нахимовъ съ 2-я кораблями смѣло вошелъ въ бухту, осмотрѣлъ ее на разстояніи пушечнаго выстрѣла, замѣтилъ расположеніе Турокъ и вышелъ въ море. Такъ какъ Турецкія суда были защищены сильными береговыми батареями, то Нахимовъ остался у входа въ Синопъ, чтобъ не дать Туркамъ выйдти оттуда, пока подойдутъ другіе корабли изъ Севастополя.

Въ ночь на 16 ноября адмиралъ увидѣлъ въ морѣ корабельные огни, но вмѣсто двухъ отправленныхъ имъ, къ нему на помощь спѣшила цѣлая эскадра Новосильскаго. Когда эта эскадра подходила къ Севастополю, было получено извѣстіе о Турецкомъ флотѣ; ее тотчасъ же вернули въ море и направили къ Нахимову.

Подъ начальствомъ Павла Степановича теперь было: Его корабля: 84-хъ пушечные «Императрица Марія», «Чесма» и «Ростиславъ» и эскадра Ѳ. М. Новосильскаго: 120 пушечные корабли: «Парижъ», «Великій Князь Константинъ», «Три Святителя» и 2 фрегата: «Кагулъ» и «Кулевчи».

Прибытію товарищей, какъ вѣрному знаку скораго боя, были рады всѣ, безъ исключенія, отъ командира до послѣдняго матроса. Нахимовъ едва сдерживалъ жела-

---

[1]) Фрегатъ 3-хъ мачтовое военное судно, имѣющее одну закрытую батарею орудій.

[2]) Корветъ—тоже 3-хъ мачтовое судно, нѣсколько меньше фрегата, имѣющее одну открытую батарею.

ніе скорѣй напасть на врага. Русскій адмиралъ не сомнѣвался въ успѣхѣ. Онъ полагался на Бога, на святость Русскаго дѣла. Павелъ Степановичъ былъ увѣренъ, что его «дѣтки», какъ называлъ онъ матросъ, не посрамятъ земли Русской. Для личнаго объясненія начальникъ эскадры пригласилъ къ себѣ на корабль адмирала Новосильскаго и всѣхъ командировъ. Вслѣдъ за тѣмъ былъ отданъ знаменитый приказъ. Моряки всего свѣта считаютъ этотъ Нахимовскій приказъ образцовымъ. Разсказавъ подробно, что и какъ надо дѣлать, приказъ оканчивался слѣдующими словами: «Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота. Отъ насъ зависитъ оправдать ожиданія!»

Ночь была мрачная, бурная, дождливая. Утромъ 18 ноября свинцовыя тучи покрывали сплошь все небо. Надъ эскадрой ревѣлъ порывистый вѣтеръ съ частымъ холоднымъ дождемъ. Въ 9 ч. утра стало, наконецъ, совсѣмъ свѣтло. Вскорѣ на адмиральскомъ кораблѣ взвился сигналъ: «приготовиться къ бою и идти на Синопскій рейдъ». [1])

На корабляхъ отслужили молебенъ. Священники обошли палубы, окропили всѣхъ святой водой и ровно въ 11 часовъ. построившись въ двѣ колонны, эскадра, съ развѣвающимися на всѣхъ мачтахъ Русскими флагами, подъ всѣми парусами, быстро понеслась прямо на непріятеля. Во главѣ первой колонны шелъ самъ Нахимовъ на кораблѣ «Императрица Марія»; вторую велъ Ѳ. М. Новосильскій. на кор. «Парижъ». Непріятель въ началѣ не былъ видѣнъ изъ-за тумана. Когда Русскіе корабли были замѣчены, Турки начали готовиться къ битвѣ. Ихъ суда стояли въ глубинѣ залива полукругомъ. За ними, ближе къ берегу, находились два транспорта (грузовыя суда) и два парохода, начавшіе разводить паръ. Дальше виднѣлось нѣсколько купеческихъ судовъ.

[1]) Рейдъ—прилегающая къ берегу часть моря, гдѣ обыкновенно останавливаются корабли.

«Тревоги еще не было—разсказываетъ участникъ боя съ корабля «Три Святителя»,—но уже каждый стоялъ на своемъ мѣстѣ, всѣ ждали съ нетерпѣніемъ. Попутный вѣтеръ быстро приближалъ насъ къ врагу. Наконецъ, онъ уже видѣнъ: бьютъ тревогу, смачиваютъ палубу, опускаютъ сукно надъ крюйтъ-камерами (корабельные пороховые погреба) у всѣхъ напряжено вниманіе, всѣ ждутъ. Ужъ мы на пушечномъ выстрѣлѣ, ужъ ближе,—видно, какъ Турки наводятъ орудія, но пальбы не начинаютъ. Было 12 час. 20 м. Но вотъ на Турецкомъ адмиральскомъ фрегатѣ показался клубъ дыму: раздался первый выстрѣлъ. Не успѣло первое ядро просвистать, какъ непріятельская эскадра опоясалась бѣлой пеленой и тучи ядеръ проревѣли надъ нами. Ставши бортомъ, мы, не крѣпя парусовъ, открыли огонь. Турки, кажется, этого не ожидали. Они полагали, что, бросивъ якорь, мы пошлемъ людей по мачтамъ убирать паруса, а потому орудія ихъ были наведены вверхъ и первые выстрѣлы не причинили намъ вреда. Потомъ подъ нашимъ огнемъ и при густомъ дымѣ, имъ было трудно вѣрнѣй прицѣлиться. Что было первыя пять десять минутъ—сказать трудно. Мы стрѣляли, по насъ стрѣляли. Не только въ батареяхъ, но даже съ палубы ничего не было видно. Палили прямо передъ собой, по старому направленію. Громъ выстрѣловъ, ревъ ядеръ, откатъ орудій, шумъ людей, стоны раненыхъ—все слилось въ одинъ общій адскій гвалтъ". Корабль: «Императрица Марія», будучи ближе всѣхъ къ непріятелю, былъ осыпанъ ядрами, которыя перебили большую часть мачтъ и снастей, но онъ, не обращая вниманія, смѣло и гордо шелъ впередъ, отвѣчая огнемъ только тѣмъ, мимо кого проходилъ, и, наконецъ, бросилъ якорь противъ адмиральскаго Турецкаго фрегата: «Ауни-Аллахъ».

Остальные также стройно заняли свои мѣста, въ полукругѣ противъ Турецкихъ судовъ, такимъ образомъ,

что противъ каждаго Русскаго корабля приходилось по 2 или по 3 Турецкихъ. «Аунни-Аллахъ» не выдержалъ и полчаса борьбы съ своимъ смѣлымъ противникомъ. Желая бѣгствомъ укрыться отъ выстрѣловъ, онъ отклепалъ якорную цѣпь, теченіемъ и вѣтромъ его понесло къ берегу. Проходя мимо другаго нашего Адмиральскаго корабля «Парижъ», Турокъ попалъ и здѣсь подъ разрушительный огонь. Изстрѣленный и усѣянный трупами, онъ скоро былъ выброшенъ на мель.

Тогда корабль «Императрица Марія» направилъ свои орудія на 44-хъ пушечный фрегатъ «Фазли-Аллахъ (по Русски-Богомъ данный), бывшій прежде Русскій фрегатъ: «Рафаилъ». Въ войну 1829 года онъ, по оплошности, былъ взятъ у насъ. Это единственное судно, взятое Турками за время всѣхъ войнъ съ Россіей.

На «Фазли-Аллахъ» вскорѣ вспыхнулъ пожаръ и онъ принужденъ былъ выброситься къ берегу, гдѣ окончательно сгорѣлъ. Такимъ образомъ исполнился приговоръ Русскаго Царя. Въ 1829 года, по полученіи донесенія о взятіи этого фрегата, Императоръ Николай I повелѣлъ: «Когда возвращенъ будетъ въ наши руки, предать фрегатъ «Рафаилъ» огню, какъ недостойный носить Русскій флагъ».

Въ разгарѣ боя. Павелъ Степановичъ, какъ всегда съ подзорной трубой въ рукѣ, слѣдилъ за дѣйствіями своихъ кораблей, также спокойно какъ на простомъ ученьи. Восхищенный правильными дѣйствіями корабля: «Парижъ» и зная, какъ дорожатъ его похвалой, онъ приказалъ благодарить этотъ корабль сигналомъ. Сдѣлать это было невозможно: непріятель перебилъ всѣ сигнальныя веревки. На прилагаемой картинкѣ, изображенъ славный начальникъ эскадры Павелъ Степановичъ Нахимовъ на одномъ изъ Севастопольскихъ укрѣпленій.

Покончивъ съ «Фазли-Аллахъ», корабль «Императрица Марія» хотѣлъ помочь «Парижу», но тотъ уже самъ

поравился съ стоявшими противъ него врагами. Оба эти корабля, уничтоживъ 4 фрегата и 2 корвета, съ 230 орудіями, начали громить береговую батарею.

Другіе наши корабли, ставши сзади адмиральскихъ по порядку, также удачно вели дѣло.

Корабли: „Чесма“ и „Великій Князь Константинъ“ скоро покончили съ своими противниками. Послѣ этого „Чесма“, ставши вдоль 2 береговыхъ батарей, уничтожилъ ихъ до основанія, отъ огня-же Великаго Князя Константина черезъ 20 минутъ взлетѣлъ на воздухъ большой Турецкій фрегатъ. Обломками и грудами тѣлъ съ него такъ забросало близь лежащую батарею, что она перестала дѣйствовать.

На „Ростиславѣ“ случилось несчастье, стоившее ему не мало людей. Непріятельская граната, ударивъ въ одно изъ орудій, разорвала его, разбила палубу и зажгла кокоръ (пороховой ящикъ). При этомъ было ранено и обожжено до 40 человѣкъ. Начавшійся пожаръ былъ немедленно потушенъ, но горящія части упали у входа въ крюйтъ-камору (пороховой погребъ). „Ростиславу“ грозила страшная опасность. Отъ одной искры корабль могъ взлетѣть на воздухъ. Люди, находившіеся внизу, смутились и бросились къ выходу. Тогда мичманъ Колокольцовъ и нѣсколько человѣкъ матросъ, закрывъ двери и всѣ отверстія, не задумываясь принялись тушить, что имъ скоро и удалось исполнить.

При взрывѣ орудія на „Ростиславѣ“ у матроса Антона Майстренко выжжены были оба глаза. Долго лежа въ Севастопольскомъ госпиталѣ, онъ только и утѣшался, разсказывая о побѣдѣ, за которую такъ поплатился: „А Нахимовъ! Вотъ смѣлый—говорилъ Майстренко—ходитъ себѣ по палубѣ, да какъ свистнетъ ядро, только рукой, значитъ, поворотитъ: туда тебѣ и дорога. А онъ сыплетъ.—Боже мой! сыплетъ да и шабашъ. Ну, одначе, смотримъ, и у насъ красный флагъ, подняли, значитъ, открыть огонь черноморскому флоту.

Тутъ ужъ какъ начали жарить наши, такой калѣчи понадѣлали, что и не дай Господи. Два фрегата наши, „Кагулъ“ и „Кулевчи“, все на часахъ ходили, отъ косы до косы, а мы дѣйствовали; какому кораблю ихнему мачты посбивали, какой на бокъ положили, а другой и совсѣмъ взорвали—и шабашъ. Выходитъ такъ, что одинъ на одно спотыкается; часомъ запалишь фрегатъ или бригъ, а тутъ еще ядрами начнешь насаживать; смотришь—упадетъ на другой и тотъ запалитъ. Такой пожаръ сдѣлался: бѣда! Огонь, дымъ,—чисто всю бухту какъ жаромъ хватило, а вѣтеръ все въ городъ подноситъ, все въ городъ подноситъ и звукъ такой пошелъ, что нѣкоторыхъ матросовъ у пушекъ позаглушилъ“.

Наконецъ, на кор. „Три Святителя“, однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ, былъ перебитъ шпрингъ (канатъ, взятый отъ якоря на корму, чтобъ удобнѣе было ставить корабль по разнымъ направленіямъ).

Оставшись на одномъ якорномъ канатѣ, корабль заворотило вѣтромъ и поставило кормой къ батареѣ. Тамъ, увидя это, начали бить его продольными выстрѣлами (съ кормы на носъ). Это сильно вредило кораблю; положеніе дѣлалось очень труднымъ. Тогда сосѣдній корабль Ростиславъ, оставя въ сторонѣ Турецкія суда началъ громить батарею. Между тѣмъ мичманъ Варницкій на двухъ шлюбкахъ (лодкахъ) былъ посланъ съ корабля завести верпъ (забросить другой якорь, съ кормы). Едва Варницкій успѣлъ отойдти отъ борта корабля какъ его шлюбка была пробита ядромъ. Отлетѣвшей щепой онъ былъ раненъ въ руку, а шлюбка пошла ко дну. Не смотря на рану, Варницкій, со всей командой, успѣлъ перескочить на другую и подъ сильнымъ огнемъ исполнилъ приказаніе.

Служившій на кораблѣ мичманомъ [1]) разсказываетъ

[1]) Мичманъ—первый офицерскій чинъ во флотѣ.

дальше: «бой продолжался; все тотъ же адскій гвалтъ; вдругъ онъ покрылся какимъ-то могучимъ трескомъ, но еще болѣе могучее ура покрыло и его! Взорвали Турецкій фрегатъ. Въ это время на кормѣ, у насъ въ палубѣ, закричали: „пожаръ“! Бросаюсь туда, вижу—конопать отъ сотрясенія вылетѣла и отъ своихъ же выстрѣловъ загорѣлась. Потомъ я узналъ, что у насъ еще былъ пожаръ, гораздо опаснѣе, отъ каленаго ядра; къ счастью, ядро было не очень накалено и его успѣли потушить.

Ко мнѣ подбѣгаетъ ординарецъ и кричитъ: Капитанъ требуетъ! Отправляюсь наверхъ; еще кричатъ ура. Что такое? другой фрегатъ пустили ко дну.

Я подошелъ къ Капитану.

— Ступайте на гротъ—Марсъ (нижняя площадка на средней мачтѣ). Видите какъ все перебито? Приведите въ порядокъ и смотрите за полетомъ ядеръ.

Въ это время, когда капитанъ отдавалъ мнѣ приказаніе ядро ударило въ сѣтки [1]), вырвало три койки [2]) и одна изъ нихъ вмѣстѣ съ ядромъ пролетѣла надъ нашими головами. Сигнальщикъ, стоявшій возлѣ пригнулся, но не успѣлъ онъ нагнуть головы, какъ капитанская труба была уже у него на плечахъ.

— Чему кланяешься, болванъ?

— Виноватъ Ваше Высокоблагородіе! отвѣчалъ матросъ, бойко смотря въ глаза. Я полѣзъ на марсъ. Бой видимо стихалъ. Сверху видъ былъ восхитительный. По срединѣ бухты, какъ громадные кресты надъ могилами, торчали мачты потопленнаго фрегата. На отмели горѣлъ Турецкій пароходъ. Городъ пылалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Русскіе корабли въ дыму, какъ въ облакахъ, извергали смерть и огонь. Турки не могли болѣе бо-

---

[1]) Сѣтки—верхняя часть бортовъ въ видѣ ящика.

[2]) Койка—складная матросская постель. На день всѣ койки, аккуратно связанныя, укладываютъ въ сѣтки.

роться; они начали садиться на шлюбки, спасаясь на берегъ. Другіе бросались на мель и оттуда спасались вплавь. Въ 4-мъ часу все было кончено. Только два фрегата, свалившись на отмели другъ съ другомъ, продолжали бой, наконецъ и ихъ Турки начинали оставлять. Уже только нѣсколько человѣкъ отстрѣливались изъ трехъ орудій и что ни выстрѣлъ—ядро у насъ въ кормѣ или въ кораблѣ «Парижъ». Ѳедоръ Михайловичъ Новосильскій разсердился. «Парижъ» далъ залпъ и Синопскій бой окончился. Не могу воздержаться, чтобъ не отдать должной хвалы русскому матросу. Что за молодецкая отвага, что за дивная храбрость! Какъ теперь вижу, стоитъ красавецъ—комендоръ [1]), знаменосецъ 32-го экипажа, Дѣхта, и держитъ большимъ пальцемъ запалъ [2]) у только что выстрѣлившаго орудія. Вырвало ядромъ рядомъ съ нимъ двухъ человѣкъ, онъ бровью не пошевельнулъ, только сердито скомандовалъ, когда орудіе было готово: „къ борту“.

Взрывъ фрегата «Фазли-Аллахъ», бывшаго «Рафаила», покрылъ горящими обломками Турецкую часть города. Это произвело сильный пожаръ въ городѣ. Онъ продолжался во все время пребыванія нашей эскадры. Въ городѣ не кому было тушить; всѣ жители разбѣжались. Одинъ изъ Турецкихъ пароходовъ, подъ командой Англичанина, въ началѣ сраженія, вмѣсто того, чтобы помогать своимъ, выбрался за боевую линію и удралъ изъ Синопа. Наши фрегаты: «Кагулъ» и «Кулевчи» погнались за нимъ. Пароходъ безпрестанно мѣнялъ направленіе, то въ ту; то въ другую сторону. Ему кромѣ поворота руля ничего не стоило, на фрегатахъ же это требовало значитель-

---

[1]) Старшій изъ прислуги у орудія.

[2]) Небольшое отверстіе въ задней (казенной) части орудія, чрезъ которое производится выстрѣлъ.

ной работы парусами; а потому, обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами, Турокъ быстро ушелъ отъ нихъ.

Въ тоже время наши три парохода, подъ начальствомъ Адмирала Корнилова, спѣшили изъ Севастополя. Адмиралъ, стоя на палубѣ, изъ за мыса увидѣлъ Русскій флагъ на кор. «Императрица Марія»; Корниловъ перекрестился и промолвилъ: «Помоги Господи Павлу Степановичу». Вскорѣ услышали пальбу и увидѣли какъ Русскія ядра перелетали черезъ косу и вспѣнивали море. Наши пароходы понеслись полнымъ ходомъ, а тутъ показался и бѣжавшій Турокъ. Наши бросились за нимъ. Но опъ и отъ нихъ скоро ушелъ. Пар. «Одесса», до послѣдней возможности продолжалъ гнаться и завелъ перестрѣлку. Впослѣдствіи узнали, что Турецкій пароходъ долженъ былъ зайдти въ какую то бухту для исправленія поврежденій. Послѣ безуспѣшной погони, фрегаты, а затѣмъ и пароходы, возвратились въ Синопъ къ эскадрѣ.

Когда наступила ночь, Синопская бухта имѣла ужасный видъ. Турецкая часть города пылала, фрегаты горѣли и взрывались, поднимая цѣлыя столбы дыму и пламени, на обгорѣлыхъ остаткахъ судовъ видны были ползающіе люди. Турки, торопясь бѣжать, оставляли орудія заряженными. При пожарѣ они накаливались и стрѣляли. Спачала думали, что это изъ города, поэтому Павелъ Степановичъ послалъ объявить городскимъ властямъ: «что если еще хоть одинъ выстрѣлъ будетъ сдѣланъ по эскадрѣ, то завтра утромъ не узнаютъ мѣста, гдѣ былъ Синопъ». Посланный не нашелъ не только властей, но даже ни одного Турка. Остались одни Греки, умолявшіе ихъ взять на корабли. Но адмиралъ, при всемъ желаніи, не могъ исполнить ихъ просьбу.

Побѣда наша въ Синопѣ была полная. Изъ 13 Турецкихъ судовъ не осталось ни одного. Только 2 фрегата казались еще годными; но по осмотрѣ и тѣ найдены были въ такомъ жалкомъ видѣ, что, свезя плѣнныхъ и ране-

ныхъ, ихъ отвели въ сторону и сожгли. На одномъ найденъ былъ начальникъ Турецкой эскадры Османъ-Паша. Съ перебитой ногой, по поясъ въ водѣ, покинутый своей командой, онъ едва держался за какую-то снасть, когда наши шлюбки сняли его.

По разсказамъ самихъ Турокъ, у нихъ въ бою всего погибло до 4000 человѣкъ. Пришедшіе, чрезъ нѣсколько дней, Англійскій и Французскій пароходы, нашли еще до 200 человѣкъ раненыхъ.

У насъ было убито 1 офицеръ и 37 нижнихъ чиновъ; раненыхъ—7 офицеровъ и 233 человѣка нижнихъ чиновъ. Такая значительная разница была оттого, что Турки первые выстрѣлы направили по мачтамъ, да кромѣ того наши корабли почти сразу взорвали два ихъ фрегата, что составляло убыль Турокъ въ 1000 человѣкъ. Само по себѣ Русскіе Корабли пострадали не мало. Первыми выстрѣлами были сильно избиты мачты, перерваны снасти и въ клочья изорваны паруса. У нѣкоторыхъ досталось и корпусамъ. На «Импер. Маріи» было 60 пробоинъ, многія изъ нихъ подводныя; на «Трехъ-Святителяхъ» до 48 пробоинъ; на «Ростиславѣ» однихъ раненыхъ и убитыхъ было 104 человѣка. Между тѣмъ предстояло самое трудное дѣло. Въ глухую осень, при страшномъ вѣтрѣ, разводившемъ громадный валъ, кораблямъ надо было переплыть поперекъ всего Чернаго моря. Самъ Нахимовъ сознавалъ, какого труда будетъ стоить возвращеніе въ Севастополь. Кромѣ того онъ зналъ, что Англо-Французскій флотъ стоитъ неподалеку близъ Константинополя и легко можетъ явиться защищать Турокъ. Встрѣча съ ними въ морѣ могла бы дорого обойтись нашимъ храбрецамъ. Очевидцы говорятъ, что на корабляхъ слышались такіе разговоры офицеровъ и матросовъ: Уже если Англичанинъ или Французъ попадетъ, то идти въ рукопашную, т. е. на абордажъ а въ случаѣ недохватки, взрываться вмѣстѣ съ непріятелемъ.

Еще не умолкли послѣдніе выстрѣлы, еще продолжались взрывы Турецкихъ судовъ, а наши молодцы, всѣ отъ мала до велика, истомленные и усталые, ни минуты не отдыхая, принялись за починку кораблей и работали всю ночь на пролетъ. На слѣдующее утро, пріостановивъ работы, эскадра отслужила благодарственный молебенъ, заупокойную обѣдню, похоронили убитыхъ и опять немедленно принялись за работу. Черезъ 36 часовъ, т. е. 20-го утромъ, корабли. съ Божьей помощью, готовы были опять пуститься въ бурное море. Болѣе поврежденные взяты были пароходами, а остальные пошли сами по себѣ. Въ морѣ дулъ свѣжій вѣтеръ и было большое волненіе, поэтому выйдя изъ за мыса пароходы не могли вести кораблей, почему тѣ пошли также подъ парусами. Ночью вѣтеръ еще болѣе усилился; къ счастью, утромъ онъ стихъ и разбитые корабли снова были взяты пароходами. Наконецъ 22-го ноября, послѣ полудня, три корабля благополучно прибыли въ Севастополь, къ вечеру подошли и остальные.

Тамъ уже знали о побѣдѣ отъ Корнилова, ранѣе пришедшаго на пароходѣ. — Все, и старъ и младъ, высыпало на оба берега встрѣчать побѣдителей. Стоявшія въ Севастополѣ суда разцвѣтились флагами и при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, съ берега и съ судовъ раздавалось могучее Русское ура.

Израненные, всѣ въ пробоинахъ, корабли, съ избитыми мачтами, изорванными парусами и въ клочки изстрѣленными флагами, тихо, одинъ за другимъ, входили въ Севастополь. Тысячи народа кругомъ на берегу, множество лодокъ, спующихъ по всѣмъ направленіямъ, громъ пушекъ и задушевное ура—все это имѣло торжественный видъ.

«Ставъ на якорь», разсказываетъ очевидецъ, «кораблямъ приказано было выдержать карантинъ. [1]) Къ счастью,

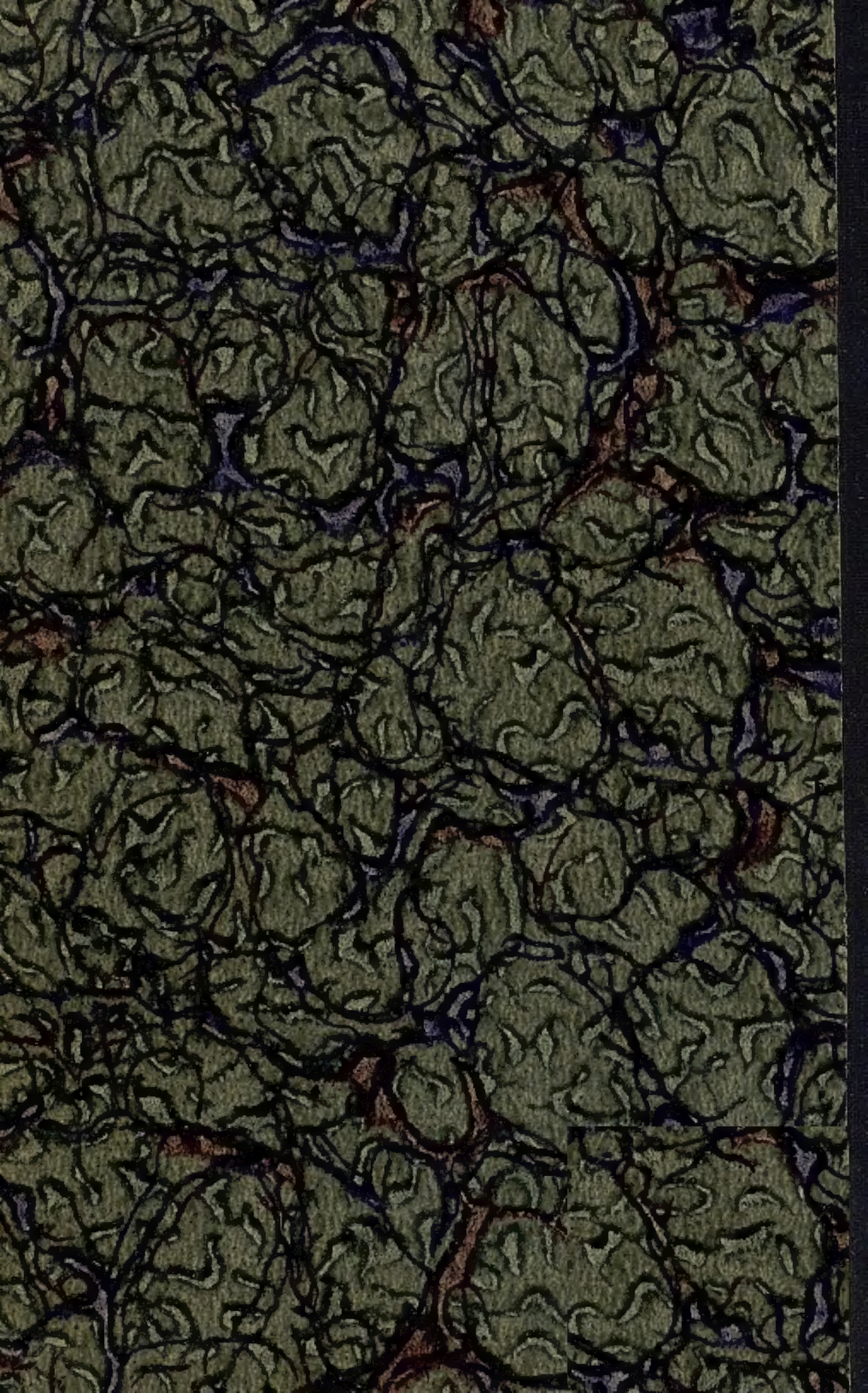
[1]) Карантинъ—корабли, приходя изъ опасныхъ мѣстъ, чтобъ не занести заразительной болѣзни, назначенное время не имѣютъ сообщенія съ берегомъ.

онъ ограничился только 4-я днями. Такъ какъ съ эскадры нельзя было ѣхать къ роднымъ и знакомымъ, то всѣ они бросились на шлюбки и окружили корабли. Трогательны были эти встрѣчи. Плакали и отъ радости, плакали и отъ горя. Какъ теперь вижу и слышу. Работаетъ матросъ снаружи корабля, его окликаетъ баба: „Прокофьичь здравствуй: Мой то гдѣ же? Ишь, баба, когда хватилась; его чуть ли не первымъ ядромъ разорвало". Взвыла баба. Тутъ же рядомъ молодая бабенка, со слезами радости на глазахъ, показываетъ мужу, поднявъ кверху на рукахъ груднаго ребенка.

«Быстро разнеслась по Россіи радостная вѣсть о побѣдѣ. А тутъ, на другой день послѣ Синопа, прилетѣла другая радостная вѣсточка о Башъ-Кадыкларскомъ погромѣ. 7.000 кавказскихъ богатырей подъ начальствомъ Князя Бебутова, въ прахъ разбили 30-тысячную Турецкую армію и взяли 24 орудія. Русь заликовала. Православные храмы огласились благодарственными молебствіями. Отъ Чернаго моря до Бѣлаго не было ни одной деревни, ни одного уголка, гдѣ бы не праздно; валась двойная побѣда нашихъ богатырей.

Въ другихъ земляхъ угнетенные братья Россіи, по роду и племени, также торжествовали и радовались нашимъ двумъ побѣдамъ. Имена Бебутова и Нахимова сдѣлались вездѣ извѣстными. Они сразу стали дорогими героями. Синопскій бой особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ. Враги сами признали Синопское сраженіе блистательнымъ молодецкимъ дѣломъ нашихъ моряковъ. И правда! 13 Турецкихъ судовъ, защищенные береговыми укрѣпленіями, могли быть несокрушимы. Только Русская безпредѣльная храбрость была въ силахъ ихъ уничтожить. Синопскій же бой важенъ еще и тѣмъ, что Турки всетаки не попали на Кавказъ и чрезъ это наши тамошнія войска, очень малочисленныя, могли продержаться до весны, въ ожиданіи посланныхъ туда подкрѣпленій.

Императоръ Николай I достаточно оцѣнилъ службу своихъ черноморцевъ. Награды были даны вполнѣ Царскія. «Съ искренней сердечной радостью—писалъ Царь Меньшикову,—поручаю Вамъ сказать храбрымъ морякамъ нашимъ, что я благодарю ихъ за подвиги, совершенные для славы и чести Русскаго флота. Россія никогда этого не забудетъ.» Адмиралъ Нахимовъ награжденъ былъ орденомъ Св. Георгія 2-ой степени. Всѣ участвовавшіе офицеры и команда, кромѣ чиновъ и орденовъ, получили денежныя награды.

Доблестный герой Павелъ Степановичъ, со всѣхъ концовъ Россіи, чуть не каждый день получалъ поздравленія. Но болѣе всего онъ дорожилъ присланнымъ ему образомъ Николая Чудотворца, отъ какого то неизвѣстнаго богомольца. Получивъ этотъ образъ съ совѣтомъ снять двѣ копіи, одну для своей каюты, а другую для ношенія на груди, онъ былъ очень обрадованъ подаркомъ и немедленно исполнилъ просьбу. Приносимыя поздравленія Павелъ Степановичъ принималъ съ всегдашней своей скромностью, говоря что съ такими молодцами какъ его «дѣтки» не такія дѣла можно дѣлать. Онъ доказалъ это позже, защищая Севастополь.

Всегда благочестивый, Нахимовъ не раздѣлялъ общаго восторга, онъ только благодарилъ Бога за дарованіе ему и сподвижникамъ его случая исполнить святость присяги и былъ однимъ доволенъ, что Господь ссудилъ его послужить Православной Вѣрѣ, Царю и Родинѣ.